

УДК 821.111 (73) Эрдрик +821.111 (73) – 31/32

Егорова И.Н.

Московский государственный областной университет

ТЕМА МАТЕРИНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Л.ЭРДРИК

I. Egorova

Moscow State Regional University

THEME OF MOTHERHOOD IN L. ERDRICH'S NOVELS

Аннотация. Статья посвящена теме материнства в творчестве Луизы Эрдрик. Писательница проявляет интерес к проблемам, встающим перед индейской женщиной в современной социокультурной среде: в первую очередь, речь идёт о кризисе детско-родительских отношений и поиске собственного “я”. Собираемый образ коренной американки в произведениях Эрдрик включает в себя два, казалось бы, противоположных аспекта: героини, заботящиеся о своих и чужих детях, соседствуют с трагическим образом женщины, разлученной с ребёнком в силу различных жизненных обстоятельств, так или иначе обусловленных европейской экспансией.

Ключевые слова: Луиза Эрдрик, материнство, женская тема, проблема самоидентификации, литература коренных жителей США.

Abstract. The article studies the theme of motherhood in novels by Louise Erdrich. The writer takes interest in problems of contemporary Indian women: primarily we speak about the children-parents' relations crisis and the search of self-identity. Collective image of Native American woman in novels by Louise Erdrich consists of two seemingly contradictory aspects: heroines taking good care of their own and others' children are represented next to tragical stories of women, separated from their children by various reasons which are in this or that way connected to European expansion.

Key words: Louise Erdrich, motherhood, women's theme, problem of self-identification, Native American fiction.

Одной из характерных особенностей американской литературы XX века является появление большого количества женщин-писателей. Представительницы национальных меньшинств уходят с периферии литературного процесса и претендуют на лидирующие роли в нём. Их тексты раскрывают важные для этнических художественных произведений проблемы материнства, сестринства, женской дружбы и внутрисемейных отношений. Можно утверждать, что тема семьи – истории жизни нескольких поколений – является одной из центральных для всего корпуса литературы пограничья. В произведениях коренных жителей США она тесно переплетается с проблемой болезненной самоидентификации, определения собственного “я” в специфическом межкультурном пространстве. В частности, Луиза Эрдрик – популярная американская писательница смешанного немецко-индейского происхождения – в своём творчестве изучает влияние на самосознание героинь общественно-культурных преобразований в племени.

Паниндейская культура традиционно наделяет женскую природу особым духовным началом. Писательница коренного происхождения Бет Брант точно и ёмко отражает отношение своих предков к матерям и жёнам в романе “Тропа могавков”, где приводится описание древнего ритуала, исполняемого старейшинами рода. Во время него участницы восхваляют друг друга как источник жизни и магических знаний. Женская община провозглашается символом духовного и физического выживания [1, с. 17].

Исследования последних лет позволяют сделать вывод, что взаимоотношения коренных американок внутри семьи и сообщества изначально неверно истолковывались европейскими колонизаторами и их потомками. По наблюдению Райны Грин, популярные паниндейские женские образы последних пяти столетий представляют собой случайный, избирательный, в результате, дискредитирующий портрет, отмеченный так называемой “проблемой Покахонтас” (Pocahontas perplex). Это означает, что в англосакском восприятии представительница индейского племени непременно должна обладать экзотической красотой, быть дикой и безрассудной, принимать сторону колонизаторов и становиться ради них “белой” [4, с. 257]. Согласно Грин, на ранних этапах завоевания Америки переселенцы видели “чужеземных принцесс”, но патриархальное сознание не могло понять матрилинейного уклада жизни [4, с. 250].

В последние десятилетия историки, этнографы и литературоведы проявляют всё больший интерес не к романтической составляющей образа, а к проблемам, встающим перед индейской женщиной в современной социокультурной среде: невозможность самоидентификации, одиночество, алкоголизм и кризис материнства.

Писательница Пола Ганн Аллен, в свою очередь, замечает, что паниндейская культура превозносит женщину, прежде всего, как мать. В то же время бездетные искали другие пути познания Духа и обретения опыта родительства [5, с. 28]. Традиционно они наравне с биологическими матерями заботились о младшем поколении и несли ответственность за его воспитание. По убеждению Аллен, феминизм конца двадцатого века берёт начало от гинократической модели общества коренного населения США. Того же мнения придерживается профессор Кейт Стэнли, отмечая, что современные женские течения стремятся переосмыслить структуру “семьи” и привести её к форме, многие столетия назад принятой индейцами [9, с. 214].

В произведениях Луизы Эрдрик, яркой представительницы индейского Ренессанса конца прошлого столетия, вопрос репрезентации понятия “материнство” выходит на авансцену произведений [12, с. 201]. Несмотря на присутствие в её текстах значительного числа брошенных детей и умерших или искалеченных матерей, встречаются целостные, детально вычерченные женские образы заботливых, внимательных матерей. По мнению литературоведа Роберта Зильбермана, в своём первом романе “Приворотное зелье” Эрдрик “разбирает на отдельные составляющие, а затем по-новому складывает в единое целое традиционную индейскую повествовательную модель” [8, с. 101]. Пересматривая привычную для англосакской литературы хронологическую траекторию повествования, она посвящает первую, а не последнюю главу смерти Джун, которая является центральной фигурой в романе. Героиня умирает, и после неё остается бесконечное “ощущение печали”, придающее нарративу фундаментальный подтекст. Последующие события воспринимаются читателем как таинственная история её сына, выстроенная вокруг загадки идентичности утраченных родителей и причин их поведения. Роман “Свекольная королева” начинается со сцены бегства Аделаиды от своих детей, затем следует история примирения с материнским решением.

Значимой в романах Эрдрик становится тема поддержания древней индейской традиции путём разделения полномочий материнских функций в клане: всегда находится кто-то готовый принять к себе брошенных детей и, таким образом, гарантировать надежду на выживание своего рода. Именно приёмные родители и их дети, по мнению литературоведа Гертты Вонг, дают повод верить в доброе будущее коренного народа [12, с. 201].

Необходимо отметить, что образ индейской матери складывается у Эрдрик из двух составляющих. С одной стороны, мы наблюдаем развитие Лулу Нанапуш и Мари Кэшпо в “Приворотном зелье” и Селестины Джеймс

в “Свекольной королеве”, полностью посвящающих свою жизнь родным и приёмным детям. С другой – писательница подробно анализирует феномен “матери без детей”, характерный для индейского общества последнего столетия.

Ощущение присутствия в каждой сцене романа фигуры сильной, надежной и заботливой матери достигается писательницей за счёт того, что близкими чертами наделяются сразу несколько героинь. По словам Герты Вонг, несмотря на частое упоминание “искажённых” отношений между родителями и детьми, Эрдрик создаёт образы индейских женщин, заботящихся не только о своём, но и о чужом ребёнке. Из романа “Следы” мы узнаем, что Мари и Лулу – “правильные” матери – сами выросли вне родной семьи, что в ретроспективе противоречит популярному мнению о способности людей быть только такими родителями, каких они сами знали в детстве. Так, например, Мари представлена любящей матерью, трудолюбивой женщиной. Четырнадцатилетней девушкой с “католической душой, полученной по почте” [3, с. 41], она мечтала совершать подвиги во имя религии. По иронии судьбы, она достигает внутренней гармонии только после отказа от своей “заимствованной” веры и превращается в другую Святую Мари, более земную, находящую смысл жизни в заботе о близких. Материнское начало героини принимает такие масштабы, что её мужу Нестору даже кажется, что он видит везде вокруг неё детей – своих и чужих. Когда Мари понимает, что супруг, вероятно, ей изменил с Лулу, она перечищает весь картофель в доме и натирает полы до блеска, обретая утешение в простых повседневных женских делах, связанных с заботой о семье.

Образ Лулу отличен амбивалентностью с точки зрения англосакского представления о “хорошей” матери. В героине сочетаются черты внимательной родительницы, посвящающей себя детям, и соблазнительной красавицы. Её поведение даёт читателю понять, что созидательное начало коренных

американок никак не соотносится ни с социальными рамками государственного института семьи и брака, ни с доминирующим у европейцев мнением о “законопослушной” женской добродетели. Не имея постоянного супруга, Лулу одна воспитывает своих многочисленных детей, рождённых от различных отцов – чужих мужей и возлюбленных. Показательно, что материнство даётся ей легко и непринуждённо, сыновья обожают её и беспрекословно слушаются. В ключевой сцене, где Лулу кормит свою “стаю” на безупречно чистой кухне, Эрдрик в полукомической полулирической манере представляет магические способности любящей матери и в определённой степени пародирует образ исчезающей индейской женщины. Один из любовников Лулу, Беверли Ламартин, с изумлением наблюдает, как она буквально мановением руки наполняет тарелки едой и достаёт из духовки блюда, которые, кажется, никогда туда не ставила: “Мальчики набивали рот едой с дикой, поразительной скоростью,... и когда Бев закончил с десертом, то обнаружил, что они давно растаяли за стенами кухни. Младший, испарившись со своего высоко стульчика, уже где-то спал, а Лулу ... отвернулась к горе посуды в раковине и исчезла в облаке пара” [3, с. 86].

Ближе к концу “Приворотного зелья”, когда Мари и Лулу постарели, а Нестор, за чувства которого они обе боролись, умер, Мари удивительным, невероятным образом добровольно “удочеряет” свою бывшую соперницу. Лулу, которой героиня вызывается помочь с глазными каплями после операции, видит её “склоняющейся огромной расплывчатой горой, как, должно быть, новорожденный воспринимает мать” [3, с. 236]. Литературовед Дэбора Розенфельд называет это примером феномена “повторного женского родительства” [7, с. 31].

Селестина, одна из главных героинь романа “Свекольная королева”, во многом напоминает Мари и Лулу: она изображена сильной, статной, сексуально и социально независимой женщиной, унаследовавшей

лучшие черты от матери из племени чиппева и отца европейского происхождения. Она самозабвенно обожает свою дочь Дот, стремясь посветить ей каждую свободную секунду. Несмотря на огромную силу такой материнской любви, Эрдрик не придаёт истории Селестины звучания умиротворенности. Героине приходится выдерживать “родительскую конкуренцию” со стороны Мэри Адар, тёти её дочери по отцовской линии, и их соседа Уолласа, которые тоже стремятся опекать девочку. Эрдрик обращает внимание читателя на то, что не только дети нуждаются в семье, но и взрослые остро переживают проблему физической или эмоциональной потери ребёнка. Для усиления этой мысли писательница вводит в повествование образ Кэтрин Миллер, которая спустя несколько дней после смерти собственного сына берёт к себе Джуда Адара, брошенного родной матерью в начале “Свекольной королевы”, и тем самым “спасает семью и саму себя” [2, с. 47].

Образы Мари, Лулу и Селестины, таким образом, персонифицируют торжество материнской силы, которая в более ранних произведениях коренных американцев считалась безвозвратно утраченной. В то же время Эрдрик уделяет особое внимание образу матери без детей. По оценке Элейн Хэнсон, в “Приворотном зелье”, “Следах” и “Свекольной королеве” он лежит в основе связей между всеми событиями и персонажами, а также выполняет эпистемологическую роль возможности смирения с потерей [6, с. 123]. В романах Эрдрик фигура матери без детей, изображенная в непохожих друг на друга, противоречивых образах Джун Моррисей, Аделаиды Адар, Полин Пуят и Флер Пилладжер, призвана выразить тему неизбежного расставания, невозможность его окончательного осмысления. “Приворотное зелье”, “Следы” и “Свекольная королева” обнаруживают, что индейские матери не могут быть представлены в повествовании лишь как знаки происхождения героев. Наряду с эмоциональными травмами героинь Элис Уолкер и Тони Моррисон, женские чувства и

опыт у Эрдрик служат свидетельствами скорее постоянного присутствия матери и связи с ней, чем утраченной гармонии.

Учитывая нелинейную, фрагментированную, полифоническую структуру романов Эрдрик, сложно выделить единую чёткую сюжетную линию, но очевидно, что её тексты выстроены вокруг попыток персонажей узнать истинную историю своих родителей, добраться до своих корней на культурном, историческом и психологическом уровне. По мере продвижения по этому пути меняется отношение детей к утраченным матерям – прямо или косвенно они приходят к пониманию и прощению, тем самым открывая новые грани своего собственного внутреннего мира. Одним из наиболее ярких примеров – образ Липшы, сына Джун. Для него получение достоверной информации о биологических родителях становится своего рода откровением, и позволяет “странному”, “удручённому” юноше, каким он предстаёт в начале “Приворотного зелья”, прийти к познанию своей идентичности, обрести цель в жизни и почувствовать свою сопричастность традициям.

Герта Вонг справедливо утверждает, что “Приворотное зелье”, “Свекольная королева” и “Следы” предлагают реалистическую оценку положения индейской женщины в обществе, где вследствие завоеваний и поражения традиционной культуры она оказывается не в состоянии поддерживать связь со своими детьми, защищать и воспитывать их. Вонг полагает, что в сложившейся в США социально-исторической ситуации матери оставляют своих детей не по причине беспечного эгоизма, а как жест “отчаянного милосердия” [11, с. 186]. Кроме того, строй индейского племени, сообща воспитывающего всех детей, в той или иной мере позволяет женщине решиться на такой отчаянный поступок. В предпоследнем параграфе “Приворотного зелья” Липша признаёт, что благодарен матери за то, что она отдала его бабушке Кэшпо; он понимает, что Кинг, сын, которого Джун оставила себе, страдал гораздо больше, чем

сам Липша [3, с. 272]. Его отношение к родителям, о которых он не хотел даже разговаривать в начале истории, в конечном итоге радикально меняется. Когда Лулу рассказывает герою о любовной интриге его матери с молодым Джерри, она уточняет, что “Джун сильно переживала из-за случившегося”, но её муж Горди “не вынес бы в доме чужого ребёнка”. Липша также узнает, как родная мать “всегда наблюдала за ним и надеялась рано или поздно снискать прощение” [3, с. 245].

Важно отметить, что Эрдрик таким образом вызывает у читателя симпатию к отрицательному, казалось бы, образу героини. Из многочисленных обрывков сведений о Джун мы понимаем, что она сама была приёмной дочерью бабушки Кэшпо. Мари нашла её маленькой девочкой, погибающей в лесу после смерти родной матери, и старалась заботиться о ней, хотя Джун предпочитала общество дяди Элайи, жившего в лесу по “традициям предков”. Показательно, что практически нигде повествование не ведётся от её лица, читателю ни разу не предоставляется возможность услышать её версию происходящего и, соответственно, понять мотивацию героини. Даже в том единственном случае, когда её точка зрения озвучивается неким всеведущим рассказчиком, мы не можем угадать ход мыслей Джун, а лишь издали улавливаем обрывки её чувств – уязвимости и растерянности.

Эрдрик описывает две сцены возможного самоубийства героини, когда, будучи ребёнком, она позволяет кузенам повесить себя и когда Джун в самом начале романа отправляется пешком домой в ненастную погоду, предвещавшую грозу. При этом никто из персонажей не берётся утверждать, что она намеренно предполагала покончить с собой. Несмотря на то, что общая направленность повествования ориентирована на раскрытие загадочной истории Джун, по заключению исследовательницы Элейн Хансэн, Эрдрик намеренно оставляет некоторую недосказанность в описании личности этой героини для того, чтобы лишний раз подчеркнуть: трав-

ма, полученная от физической и психологической потери матери, никогда не позволит ребёнку в полной мере понять и принять её [6, с. 136].

Кажущаяся полярность изображения двух типов матерей, снимается мотивом унаследованной от прародительниц тесной связи с миром воображения и магии. К примеру, сцена, в которой Липша прощает Джун, метафорически коррелируется с другими эпизодами, призванными идеализировать образ матери в романе. Типологически близкий сюжет: люди и предметы, как по мановению волшебной палочки, возникают и исчезают на кухне Лулу; или Мари окружает своих детей фантастически бесконечной заботой.

Эрдрик подчёркивает, что пока родители и весь клан в целом принимают на себя обязательства по воспитанию детей, ребёнок также несёт ответственность за формирование собственной идентичности, которая сочетает память о предках с осознанным выбором жизненного пути. Так, Джерри Нанапуш убеждает Липшу, что “принадлежность человека – это вопрос его личного внутреннего решения” [3, с. 255]. Этими словами писательница вкладывает свою лепту в переосмысление мифа о “первичности материнской ответственности”, о котором неоднократно рассуждала литературовед Сьюзан Сулейман [10, с. 33].

Одной из отличительных особенностей Ренессанса литературы коренных американцев является обращение к женскому вопросу и проблеме трансформации родственных отношений внутри племени в условиях современной действительности. Исторические процессы последних столетий серьезно изменили быт и самосознание коренного населения континента, заставив многих из них переосмыслить отношения между детьми и родителями, пойти на компромисс, по-новому расставить приоритеты. В творчестве писательницы Луизы Эрдрик, унаследовавшей от индейской матери трепетное отношение к семье как особому сообществу близких людей, крепко связанных друг с дру-

гом, тема детско-родительских взаимоотношений становится центральной.

Собирательный образ индейской женщины в произведениях Эрдрик включает в себя два, казалось бы, противоположных аспекта. С одной стороны, мы встречаем героинь, воспитывающих в ласке и заботе своих и чужих детей. С другой, многочисленные истории о «матерях без детей» усиливают жизненную трагедию современного коренного американца. Среди персонажей Эрдрик часто встречаются сироты, и не все они остались в одиночестве из-за смерти родителей. Матери и отцы покинули многих из них в силу различных жизненных обстоятельств, так или иначе, утверждает писательница, обусловленных европейской экспансией.

Вне зависимости от характеристики, которую явно или скрыто писательница даёт своим героиням, взаимоотношения каждой из них с детьми предопределяют поиск самоидентичности и конечный выбор жизненного пути большинства персонажей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Brant, B. *Mohawk Trail*. – Toronto: Women's Press, 1985. – 94 с.
2. Erdrich, L. *The Beet Queen*. – New York: Bantam Books, 1986. – 352 с.
3. Erdrich L. *Love Medicine*. 1984. New and Expanded Edition. – New York: HarperCollins Publishers Ltd., 2009. – 400 с.
4. Green, R. *Native American Women // Signs: Journal of Women in Culture and Society*. – Vol.6, №2. – The University of Chicago Press, 1980. – 362 с.
5. Gunn Allen, P. *The Sacred Hoop: Recovering the Feminine in American Indian Traditions*. – Boston: Beacon Press, 1986. – 311 с.
6. Hansen, E.T. *Mother Without Child: Contemporary Fiction and the Crisis of Motherhood*. – Berkeley: University of California Press, 1997. – 284 с.
7. Rosenfelt, D.S. *Feminism, Postfeminism and Contemporary Women's Fiction // Tradition and the Talents of Women*. – Chicago, University of Illinois Press, 1991. – 379 с.
8. Silberman, R. *Opening the Text: Love Medicine and the Return of the Native American Woman // Narrative Chance: Postmodern Discourse on Native American Literatures*. Ed.: Vizenor, G. – Albuquerque: University of New Mexico Press, 1989. – 223 с.
9. Stanley, K. *Thoughts on Indian Feminism // A Gathering of Spirit: A Collection of North American Indian Women*. Ed.: Brant, B. – Ithaca, NY: Firebrand Books, 1988. – 238 с.
10. Suleiman, S. *On Maternal Splitting: A Propos of Mary Gordon's "Men and Angels"*. – *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. – Vol. 14, №1. – The University of Chicago Press, 1988. – 254 с.
11. Wong, H.D. *Adoptive Mothers and Thrown-Away Children in the Novels of Louise Erdrich // Narrating Mothers: Theorizing Maternal Subjectivities*. Ed.: Daly, B.O., Reddy, M.T. – Knoxville: University of Tennessee Press, 1991. – 297 с.
12. Wong, H.D. *An Interview with Louise Erdrich and Michael Dorris // North Dakota Quarterly*. – Winter 1987. – №1. – 92 с.